

К. МАРКС О «ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДУХА» КАК «ИСТИННОМ ИСТОКЕ И ТАЙНЕ ГЕГЕЛЕВСКОЙ ФИЛОСОФИИ»

Т. Г. Румянцева

Белорусский государственный университет,
факультет философии и социальных наук,
ул. Кальварийская 9, Минск, Республика Беларусь
e-mail: t.rumyan30@gmail.com

Показано, что исследования, посвященные гегелевской «Феноменологии духа», по-прежнему занимают весомое место в современной философии, а также то, что еще задолго до А.Кожева большое внимание данной работе было уделено К.Марксом в его «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Развертывая полемику с гегелевской диалектикой и уделяя особое внимание проблеме отчуждения, Маркс пророчески назвал «Феноменологию духа» «истинным истоком и тайной гегелевской философии». Выявлено, что заключенная в этих словах оценка гегелевского произведения играет роль своего рода «стратегической схемы», опираясь на которую многие гегелеведы продолжают интерпретировать ее и сегодня.

Ключевые слова: Гегель; «Феноменология духа»; Маркс; «Экономическо-философские рукописи 1844 года»; отчуждение.

K. MARX ABOUT THE "PHENOMENOLOGY OF SPIRIT" AS A TRUE SOURCE AND MYSTERY OF HEGELIAN PHILOSOPHY

T. G. Rumyantseva

Belarusian State University,
Faculty of Philosophy and Social Sciences,
Kalvariyskaya 9, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: t.rumyan30@gmail.com

It has been shown that a study of Hegel's "Phenomenology of Spirit" continues to occupy a significant place in modern philosophy, and the fact that long before A.Kozhev a great attention to this work was paid by Marx in his "Economic and Philosophical Manuscripts of 1844". Deploying controversy with the Hegelian dialectic and paying special attention to the problem of alienation, Marx prophetically called the "Phenomenology of Spirit" "the true source and mystery of the Hegelian philosophy." It revealed that Marx's evaluation of the Hegelian work plays the role of a "strategic framework" upon which many researchers continue to interpret it today.

Keywords: Hegel; "Phenomenology of Spirit"; Marx; "Economic and Philosophical Manuscripts of 1844"; alienation.

Несмотря на то, что со дня выхода в свет «Феноменологии духа» прошло более 200 лет (1807) исследования, посвященные этому великому и, вместе с тем, чрезвычайно трудному для понимания произведению Гегеля, по-прежнему занимают весомое место в современной философии. Представители мирового гегелеведческого сообщества предлагают новые его интерпретации, раскрывают главные идеи основных разделов

сочинения, исследуют некоторые важные формы его рецепции в разных странах. В центре внимания как отечественных, так и зарубежных авторов «неувядающая актуальность, свежее, современное звучание гегелевского сочинения», которое, по словам Н. В. Мотрошиловой, «на протяжении двух веков неизменно волновало и, несомненно, дальше не перестает волновать – своими проблемами, решениями, тайнами и загадками – философствующие умы, в каких бы странах и в какие бы эпохи они ни рождались» [4, с.3].

В минувшем столетии «Феноменология духа» стала объектом исследования со стороны таких известных авторов, как Н. Гартман, Ж. Валь, А. Койре, Ж. Ипполит, Э. Блох, С. Жижек, Д. Лукач, Р. Гароди, Г. Маркузе, Ж. Лакан и др. Хотя наиболее яркими, если не сказать скандальными, стали комментарии и знаменитые лекции А. Кожева 1933-1939 гг., явившиеся своего рода ответом на многие вопросы, поставленные современной эпохой.

Однако еще задолго до А. Кожева большое внимание данной работе было уделено К.Марксом. Так, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» автор работы развернул свою полемику с гегелевской диалектикой и особый акцент сделал на анализе проблемы отчуждения. Здесь он пророчески назвал «Феноменологию духа» «истинным истоком и тайной гегелевской философии» [3, т.42, с.155]. И как бы не относились сегодня к фигуре Маркса разные авторы, заключенная в этих словах оценка гегелевского произведения по-прежнему играет роль своего рода «стратегической схемы», опираясь на которую многие гегелеведы интерпретируют ее и сегодня.

Начнем с того, что Маркс назвал ее «тайной» гегелевской философии. И в самом деле, за последние 200 лет книга обросла множеством «тайн», мифов и загадок. Современные исследователи до сих пор ищут ответы на вопросы о том, *как* это произведение возникло и *как* появилось само его название; каким образом гегелевская феноменология духа связана с феноменологией Э. Гуссерля; какое *место* она занимает в учении Гегеля. Ведь, будучи заявленной как первая часть его Системы науки образца 1807 года, она так и осталась не только первой, но и единственной частью первоначальной версии его философии. Изложенная по новой схеме в 1818 году в «Энциклопедии философских наук», его система предстанет уже как состоящая из науки логики, философии природы и философии духа.

К числу своего рода «тайн» этого великого произведения относят и до сегодняшнего дня остающуюся дискуссионной тему о соотношении т.н. «Большой» и «Малой феноменологии». Свидетельством этого является, в том числе, и доклад виднейшего немецкого исследователя творчества Канта и Гегеля Б. Тушлинга на Международной конференции к 200-летию выхода в свет гегелевской работы. Так, главной темой его выступления стал вопрос о том, *как* следует относиться к энциклопедическому варианту

феноменологии духа (второй части гегелевского учения о субъективном духе) – как ухудшенной версии «Большой феноменологии» 1807 года или как интегральной части новой концепции «Философии духа»? [4, с. 102].

К «тайнам» феноменологии можно отнести и многочисленные дискуссии, связанные с аутентичностью выше упомянутой интерпретации Кожева, фактически перевернувшего в середине XX века традиционные представления о Гегеле как, прежде всего, логике и рационалисте.

Таким образом, Маркс действительно оказался прав, отмечая загадочность произведения своего великого предшественника. Прав он был и тогда, когда писал о нем, как «об истинном истоке» гегелевской философии, так как данная работа выполняет чрезвычайно важную, *системную функцию* по отношению ко всему учению Гегеля, являясь одновременно и его предпосылкой, и своего рода квинтэссенцией. В ней содержится краткое изложение самой сути всей его философии: абсолютное знание являет собой высшую форму развития абсолютного духа, выражающего безусловную полноту всей действительности и само являющееся этой единственно подлинной действительностью. Ступени развития действительности, истории человечества, а также самой философии являются формообразованиями абсолютного духа, сущность которого состоит в процессе самопознания. Целью абсолютного духа является он сам, познающий себя и тем самым сам себя осуществляющий. Именно эти рассуждения мы находим в заключительном разделе книги, посвященном абсолютному знанию, когда речь идет о том, что сознание на высшей ступени познания предмета открывает для себя то, что познание предмета сознанием было лишь познанием духом себя самого. Другое дело, что если система Гегеля излагает или охватывает собой весь мир как целое, как исторический процесс, развитие которого идет параллельно развитию человечества и его познания, то «Феноменология духа» акцентирована по преимуществу на историю развития человеческого сознания как процесса овладения им предметом, а значит, самим собой.

Маркс высоко ценил гегелевскую феноменологию даже, несмотря на постоянно подчеркиваемый им идеализм формы ее изложения. Своего рода «конечным результатом» этой работы он назвал «диалектику отрицательности как движущего и порождающего принципа». При этом «краеугольным камнем» самой феноменологии он считал ее сравнительно небольшой по объему фрагмент раздела В. Самосознание – «Самостоятельность и несамостоятельность самосознания; господство и рабство» [1, с. 99–106]. Именно в его содержании он увидел главное философское достижение этого произведения. Кстати говоря, впоследствии, как бы вслед за Марксом, этот фрагмент книги станет самым упоминаемым в философской литературе и заслужит в широком обиходе название «диалектика господина и раба», итогом которой является не менее знаменитое «перевертывание». Имеется в виду тот фиксируемый Гегелем момент, когда дальнейшее развитие самосознания (в отношении

господства и рабства) приводит к *превращению каждой из этих сторон в свою противоположность*. Раб благодаря труду и сопровождающей его познавательной деятельности, в процессе которой он формирует мир вещей, приобретает господство над вещами, а вместе с этим – и над самим господином, становясь свободным. Маркс отметил, что Гегель анализирует здесь именно практическое отношение людей к действительности и материальную сторону человеческого существования. По словам Маркса, он ухватывает «сущность *труда* и понимает предметного человека, истинного, потому что действительного, человека как результат его *собственного труда*». Деятельное отношение человека к себе как к родовому человеческому существу, возможно, по Марксу, лишь посредством совокупной деятельности человечества, как результат человеческой истории, что возможно, первоначально, только в форме отчуждения [3, т. 42, с.158 – 159]. Хотя в то же самое время, само понятие «человек», отмечает Маркс, фактически не присутствует в словаре немецкого философа, будучи заменено понятием «самосознание». Именно в этой связи Маркс заметит, что «человека Гегель делает человеком самосознания», вместо того, чтобы самосознание сделать «самосознанием человека», – как действительного человека, «живущего в действительном, предметном мире и им обусловленного». Иначе говоря, идеалистическая форма, которая охватывает столь реальное содержание, во многом затрудняет возможность увидеть тот факт, что «вопреки своему спекулятивному первородному греху» она «дает по многим пунктам элементы действительной характеристики человеческих отношений» [там же].

На примере пресловутой «диалектики господина и раба» Гегель, как считает Маркс, фактически дал развернутую характеристику процесса всей трудовой деятельности людей, а также возникающих здесь социальных антагонизмов. Тем самым он выявил чрезвычайно важное для классиков марксизма фундаментальное значение труда в становлении человеческого общества и самого человека. Для Маркса, в частности, как писали в советские времена, эта «диалектика» содержала в себе «возможность для выработки теории социальной революции как исторически закономерного процесса свержения трудящимися угнетенными классами господства эксплуататорских классов» [2, с.210].

Тем не менее, как бы высоко классики, а вслед за ними и отечественные историки философии, не отзывались об этом разделе, упреков и обвинений в адрес Гегеля со стороны Маркса было высказано здесь тоже более чем достаточно. Это касалось, прежде всего, уже отмеченного нами выше идеализма Гегеля и связанных непосредственно с этим идеализмом «ошибок» «Феноменологии духа» как истинного «источка» всей последующей его философии. Речь идет в первую очередь об ограниченности автора, т.е. Гегеля, изображением только мировоззренческих форм (богатство, государственная власть, ее институты

и т.д.), как сущностей, взятых исключительно в их мысленной форме. Поэтому как представленная Гегелем в его тексте *история отчуждения*, так и его *устранение* становятся, по Марксу, не более чем *историей производства* абстрактного мышления, как противоположность между *сознанием* и *самосознанием*, между *объектом* и *субъектом* в пределах самой мысли. Все же другие, вводимые Гегелем противоположности и их движения, есть не более чем *видимость*. Маркс обращает внимание и на то, что Гегель не заметил, что полагаемой и подлежащей снятию сущностью отчуждения здесь выступает не то, что человеческая сущность *опредмечивается бесчеловечным образом*, в противоположность самой себе, а то, что она *опредмечивается в отличие* от абстрактного мышления и в *противоположность* к нему. То есть, присвоение сущностных сил человека, ставших предметами, притом чужими предметами, есть только такое *присвоение*, которое совершается в *сознании*, в *чистом мышлении*, в *абстракции*. Поэтому, даже, несмотря на действительно содержащуюся в гегелевской феноменологии далеко уступающую позднему развитию, критику, в ней, по Марксу, был заключен «в скрытом виде, в качестве зародыша, тайны», некритический идеализм всех позднейших гегелевских произведений. Он отмечает, что всё у него – и религия, и государственная власть и т. д. является только *духовными* сущностями, *продуктами* абстрактного духа. Поэтому и саму «Феноменологию духа» Маркс назовет скрытой, еще неясной для самой себя и имеющей мистический вид критикой. Хотя, в то же самое время он отметит и положительные моменты этой критики. Полагая, что, фиксируя *отчуждение* человека (хотя и выступающего исключительно в виде духа), философ закладывает в эту свою критику *все* элементы той критики, которая «высоко поднимается над гегелевской точкой зрения» и является критикой и религии, и государства, и гражданской жизни.

Библиографические ссылки

1. Гегель, Г. Феноменология духа / Г. Гегель. – СПб., 1992.
2. Кузнецов, В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века / В.Н. Кузнецов. – М., 1989.
3. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2- изд. Т.42. – М., 1974.
4. «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / Отв. редактор Н.В. Мотрошилова. – М., 2010.